

ний. Производное слово вводится в текст как широкий по своей семантике знак, в котором обобщенно отражаются типы отношений и типы ситуаций. Использование производного слова создает возможность свернуть, вывести за пределы текста избыточные детали описания, которые легко «домысливаются». Следовательно, производные слова могут осуществлять в тексте функции маркирования возможных синтаксических ролей данного обозначения, семантизации компрессии, моделирования подразумеваемых скрытых компонентов смысла и связывания отдельных отрезков текста, соотношения между собой разных его частей.

По некоторым положениям монографии нам хотелось бы поспорить с автором. Так, из области терминологии нам кажется неоправданным введение термина «отсылочная часть» (с. 16) при уже имеющейся синонимии терминов «производящая основа» и «мотивирующая основа».

На с. 57 автор разграничивает случаи невыраженности значения (типа *школьник*) и случаи невыводимости значения (типа *подберезовик*). Первые автор называет лексикализованными, вторые — фразеологизированными. Нам же представляется, что в обоих случаях значение производного невыводимо, его надо заранее знать, а не выводить. Вывести можно только общую формулу модели с той степенью детализации, с какой задан инвентарь словообразовательных значений. И в этом смысле разницы между производными словами *школьник* и *подберезовик* нет. Если говорящий не знает из своего прошлого языкового опыта значения слова *школьник*, то он, во-первых, никогда не сможет вывести, что это название лица, а не предмета: в принципе словом *школьник* мог быть назван любой предмет, имеющий отношение к школе, например, мел, которым пишут в школе, стол-парта, за которой сидят в школе, большой зал в школе и т. п.

(любое такое обозначение не противоречило бы законом номинации), и, во-вторых, даже если бы говорящий знал, что слово *школьник* обозначает лицо, то он не смог бы вывести предиката, показывающего отношение лица к школе, конкретную деятельность этого лица в школе: ведь речь может идти и об обозначении того, кто учит в школе, заведует школой или, наконец, учится в школе.

Разница между *школьник* и *подберезовик* только в том, какая из сем является открытой. При развертывании производного слова и выявлении скрытой семы они (скрытые семы) будут вербализоваться словами разных морфологических классов, выполняющих различную синтаксическую функцию в дефинициях этих производных слов. Но в обоих случаях нельзя вести исследование на основе признака выводимости/невыводимости значения: в обоих случаях это значение надо знать, а не выводить. Применяя тезис автора о двойной референции производных слов к данному случаю, можно сказать, что отнесенность к миру внеязыковой действительности надо знать, а не выводить, а отнесенность к миру слов можно выводить.

Сама степень выводимости значений производного слова может быть различной, но разграничение по степени выводимости надо, на наш взгляд, проводить не между разными предметными существительными, а между абстрактными, с одной стороны, и конкретными, предметными, с другой, иными словами степень выводимости находится в прямой зависимости от того, между какими понятийными категориями устанавливаются отношения в процессе словообразовательного акта. И в этом направлении было бы очень интересно провести исследование и упорядочить по шкале степени выводимости значения и разные классы производных.

Волоцкая З. М.

Попович А. Проблемы художественного перевода. Пер. со словацкого Бернштейн И. А. и Чернявской И. С. — М.: Высшая школа, 1980. 199 с.

Наш век по праву называют веком переводов и веком словарей: информационный голод, характерный для современной эпохи, может удовлетворяться лишь благодаря широкому языковому обмену. Не случайно поэтому огромный размах переводческой деятельности, вызвавший к жизни большие успехи, которых за последние 30—40 лет достигла теория и практика перевода. От работ А. В. Федорова, М. П. Алексеева и К. Чуковского до исследований Л. С. Бархударова, И. А. Кашкина, Г. Р. Гачечиладзе, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Я. И. Редкера, В. В. Копилова и многих других — таков путь советской науки о переводе. Немало сделано в этой области и за рубежом. Как для отечественной, так и для зарубежной науки

о переводе характерно движение от обобщенной литературоведческой интерпретации перевода к его углубленной лингвистической характеристике.

Книга словацкого ученого А. Поповича относится именно к таким исследованиям, в которых углубленный литературно-критический анализ переводного текста гармонично сочетается с отточенным измерением его языковых достоинств или изъянов. Автор этой книги — видный теоретик и историк литературы, профессор Братиславского университета, заведующий секцией по изучению переводческих проблем Международной ассоциации сравнительного литературоведения и руководитель Кабинета литературной коммуникации и методики при Педагогическом институте г. Нитра. Его перевод-

ческая концепция, однако, — строго лингвистична, поскольку он развивает опыт Пражской лингвистической школы, известной своим функциональным подходом к языку. Не раболопно пунктуальная передача всех языковых деталей подлинника, а адекватное воспроизведение его художественно-эстетических функций — вот основное требование к теории и практике перевода, выдвинутое одним из основателей Пражской лингвистической школы Б. Матезиусом и в теории перевода нашептываемое горячего сторонника в лице чешского ученого К. Левого. Этот принцип убедительно отстаивает в своей книге и А. Попович.

Книга А. Поповича построена как концентрированный анализ наиболее злободневных проблем теории художественного (прежде всего поэтического) перевода. Автор оценивает современное состояние этой теории, останавливается на методологических проблемах перевода, посвящает особый раздел переводу как коммуникативному процессу, сосредоточивая внимание на оригинале как объекте переводческой коммуникации. Далее рассматривается понятие структуры переводного текста, прежде всего вопросы семантического инварианта и стилистической трансформации при переводе, языковое построение текста и типология перевода. Много места уделено коммуникации в стиле перевода и проблемам семиотики перевода.

Основным понятием концепции А. Поповича является понятие «текста» или «метатекста», которое позволяет ему построить коммуникативную модель перевода и интерпретировать перевод как один из существенных способов коммуникации. Перевод для автора — это «творческое создание текста», поэтому «назначение теории — объяснить его построение, характер и закономерности» (с. 24). В другом месте книги, называя перевод перекодированием языкового текста, в процессе которого создаются его новый языковой облик и стилистическая форма, словацкий исследователь подчеркивает, что поскольку «существует разница между языками, стилями и культурами, оригинал не может реализоваться в переводе буквально, но лишь на принципе эквивалентности (моделирования)» (с. 186). Переводческая деятельность, таким образом, становится созданием множества вариантов одного метатекста, широким творческим экспериментом.

Перевод — это новая трактовка, новое воплощение оригинала. Отсюда право переводчика на достаточно свободную интерпретацию последнего. Право, ограничиваемое тем не менее необходимостью адекватно воспроизвести художественно-эстетические функции подлинника.

Каждый художественный текст полифоничен по своему значению и эстетической оттеночности. Такая полифоничность, однако, не приводит к распаду текста как целостной системы благодаря наличию в каждом тексте основного ядра. При переводе возможны различные модификации значения этого ядра — «переводческие сдвиги», без которых перевод был бы лишь слепком, точной копией тек-

ста, а не его творческой интерпретацией. При сопоставлении таких модификаций оригинала можно выявить межтекстовый инвариант — «общий знаменатель, сцепляющий все существующие переводы в их семантике» (с. 74). Это и есть инвариантная эстетическая информация, которую А. Попович считает ключевой в теории перевода. Именно она должна быть донесена до читателя переводного текста в любом случае, она — основное искомое творческих усилий переводчика.

Одним из центральных понятий, с которыми «работает» А. Попович, является понятие эквивалентности, которое, по-видимому, все более вытесняет или уже вытеснило понятие адекватности и которым современные теоретики перевода пользуются по-разному, вкладывая в него различный смысл. Автор рецензируемой книги это понятие необычайно дифференцирует, различая эквивалентность парадигматическую, эквивалентность синтагматическую, эквивалентность стилистическую и содержательную и, наконец, эквивалентность языковую в переводном тексте. Парадигматическая эквивалентность — это эквивалентность стилистических элементов на парадигматической стилистической оси, т. е. на уровне системы элементарных стилистических единиц. Синтагматическая эквивалентность — организация элементов на синтагматической оси текста, на уровне его структурного построения. Стилистическая и содержательная эквивалентность — функциональная равноценность элементов оригинала и перевода. Эквивалентность языковая — однородность элементов на языковом (фонетическом, морфологическом и синтаксическом) уровнях оригинала и перевода. Так определяются эти типы эквивалентности самим автором в терминологическом приложении к его книге.

Текстовая эквивалентность определяется А. Поповичем как эквивалентность стилистическая. Основным полем деятельности переводчика поэтому признаются поиски и выбор стилистических эквивалентов тексту оригинала. Причем под стилистической эквивалентностью понимается языковая эквивалентность перевода, соотношение между выразительными средствами оригинала и перевода. Искусство перевода заключается в умении соблюсти верность оригиналу в целом, функционально компенсировав утраченные элементы подлинника. Оптимальным вариантом переводного текста при такой трактовке становится функционально-стилистический сдвиг, цель которого — адекватная передача характера оригинала в условиях другой языковой системы.

В книге А. Поповича дается весьма детализированная классификация стилистических сдвигов в переводе: стилистическое соответствие, стилистическая субституция, стилистическая замена, инверсия, стилистическое усиление, стилистическая типизация, стилистическая индивидуализация, стилистическое ослабление, стилистическая нивелировка, стилистическая утрата. При всей абстрактности и определенной дедуктивности

эта классификация объективно отражает возможности различной переводческой интерпретации текста оригинала. Все типы стилистических сдвигов иллюстрируются яркими примерами перевода произведений английской, немецкой, русской, венгерской, чешской и словацкой литературы (в основном, поэзии).

Подробно описывая различные возможности передачи текста на другой язык, автор постоянно подчеркивает необходимость комплексного, «всеуровневого» перевода. «Идеальный перевод, претендующий на стилистическую однородность, — пишет он, — должен быть именно переводом на уровне текста» (с. 83). Такой перевод лучше всего сохраняет инвариантную информацию в рамках стилистического сдвига. Отсюда и здравый скепсис автора по отношению к машинному переводу, характериз�уемому в книге как «бестилевоый, обезвоженный в отношении избирательности, как своеобразный «антитекст».

В книге А. Поповича немало свежих и оригинальных идей, метких наблюдений, тонких аналитических очерков отдельных переводов. Ярки, например, его анализ переводов стихотворения Вознесенского «Рублевское шоссе» на английский, словацкий, чешский и венгерский языки или интерпретация многочисленных переводов «Виндзорских насмешниц» Шекспира. Именно благодаря таким конкретным интерпретационным этюдам его теоретическая концепция кажется привлекательной и убедительной.

Не все в этой концепции, разумеется, бесспорно. Поскольку иллюстрации к теоретическим положениям избираются А. Поповичем в основном из переводов поэзии, то возникает сомнение — все ли его теоретические выводы равно действительны и для переводов прозаических? Подчеркивание права переводчика на весьма большую свободу интерпретации оригинального текста, например, обусловлено, как кажется, именно «поэтической избирательностью» иллюстраций. Известно, что проза гораздо жестче регламентирует языковые условия перевода, чем поэзия, а поэтому и мера стилистического сдвига оригинала здесь должна быть иной.

Книга А. Поповича написана несколько сложным языком, что в некотором отношении объективно обусловлено необходимостью точно характеризовать новые понятия, формулируемые автором. К ней поэтому прилагается специальный

словарь, где толкуются эти термины. Не все из них, однако, кажутся необходимыми или требуют специальной «терминологической дефиниции». Ср. вошедшие в предлагаемый словарь псевдонимы «переводчик» и «переводческая пара» и их толкования: «Переводчик — приемник иноязычного сообщения (текста), декодировщик и одновременно кодировщик-передатчик сообщения (текста) на другом языке»; «Переводческая пара — объединение специалиста, знающего язык, и писателя (поэта) в процессе перевода. Возникает в результате необходимости реализации двух фаз переводческого процесса — анализа (декодирования оригинала специалистом) и синтеза (кодирования перевода поэтом)» (с. 189). В издании книги немало опечаток в иностранных контекстах и ссылках (например, на с. 6, 15, 81, 95, 135, 178 и др.).

Необходимо подчеркнуть тщательность и точность перевода со словацкого языка этой весьма сложной по своей терминологии и проблематике книги, а также тонкую редакцию этого перевода Н. А. Кондрашовым. Свежо и проблемно написано и предисловие к работе А. Поповича. Автор этого предисловия, известный советский теоретик перевода П. Топер, объективно оценивает место концепции А. Поповича в современной науке о переводе и дает сжатый и емкий анализ этой концепции.

Дискуссионность и усложненность отдельных положений труда А. Поповича во многом обусловлены объективной многоаспектностью теории и практики перевода как особой лингвистической дисциплины, а также сложностью самого труда переводчика, который, по справедливому замечанию А. Поповича, «одновременно и меньше, и больше, чем писатель» (с. 54). Ведь перевод, особенно перевод поэтических произведений, подобен стрельбе из трехтетивного лука, описанной в «Божественной комедии» Данте. Переводчику, словно дантовскому лучнику, приходится учитывать триединую и в то же время разнонаправленную цель своих стрел. Эта цель — стремление к эквивалентности передачи оригинала при необходимости его творческого преобразования и социально-хронологического приближения к своему читателю. Понять секрет мастерства, с которым подлинный переводчик поражает эту цель, помогает книга А. Поповича.

Мокиенко В. М.

Южные говоры таджикского языка. Под общ. ред. Расторгуевой В. С. — Душанбе: Дониш. Т. 1 — 1980, 328 с.; т. 2 — 1979, 249 с.; т. 3 — 1979, 268 с. (на тадж. яз.)

Таджикская диалектология пополнилась новым важным трудом. Мы имеем в виду пятитомное издание «Южные говоры таджикского языка», предпринятое Институтом языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР под общим руковод-

ством и редакцией заслуженного деятеля науки Таджикской ССР доктора филологических наук профессора В. С. Расторгуевой. Ответственные редакторы издания — видные ученые Таджикистана Д. Т. Таджиев, Р. Л. Неменова, Р. Гаф-